

TERRY PRATCHETT

TERRY PRATCHETT

Moving Pictures

Москва

2017

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Движущиеся картинки

Москва

2017

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
П68

TERRY PRATCHETT

Moving pictures

Copyright © 1990 by Terry and Lyn Pratchett
First published by Victor Gollancz,
an imprint of the Orion Publishing Group Ltd, London

Перевод с английского *В. Вольфсона*
Оформление *И. Саукова*
Серия основана в 2006 году
Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Пратчетт, Терри.
П68 Движущиеся картинки : фантастический роман /
Терри Пратчетт ; [пер. с англ. В. Вольфсона]. —
Москва : Издательство «Э», — 480 с. — (Терри
Пратчетт).

ISBN 978-5-699-17427-0

Готовьтесь, достойные жители Анк-Морпорка, ибо вас ждет самое необычное зрелище на всем Плоском мире! Движущиеся картинки уже здесь! Так что запасайтесь попзерном, устраивайтесь поудобнее и внимайте подлинной истории Гольвуда. Волшебники и тролли, продавцы горячих сосисок и говорящий Чудо-Пес Гаспод, Твари из Подземельных измерений и отважный библиотекарь из Незримого Университета. А еще — целая тысяча слонов!

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-699-17427-0

© Перевод. В. Вольфсон, 2006
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*Хочу поблагодарить всех-всех
замечательных людей, сыгравших роль
в создании этой книги. Спасибо вам.
Спасибо. Спасибо...*

Смотрите...

Да, это космос. Последний предел, как его еще называют.

(Хотя, если разобраться, последних пределов не бывает, ведь если есть последний предел, значит, должен быть и предпоследний, а кроме того, за пределом тоже должно что-то быть, но там ничего нет, в общем... ладно, мы окончательно запутались...)

А на заднике звездного марева жирной, растекшейся кляксой пристроилась туманность. Лишь исполинская алая звезда, подобная безумному глазу какого-нибудь бога, портит ее черноту.

Но вдруг это сияющее око словно закрывается, и мы видим, что роль века здесь исполняет огромный плавник. То Великий А'Туин, звездная черепаха, плывет сквозь космическое пространство.

На спине его — четыре гигантских слона. А на слоновьих плечах, окантованный Краепадом, нежась под лучиками крохотного, закладывающего орбиту за орбитой солнышка, величаво оборачиваясь вокруг оледенелых скал своего Пупземелья, расположился Плоский мир — мир сам по себе и отражение всех прочих миров.

Почти нереальный по своей сути...

Реальность, кстати, основана отнюдь не на цифровом принципе. Ее нельзя включить, ее нельзя вы-

ключить. Это, скорее, аналоговая величина. Другими словами, реальность — это такое же качество, как и, к примеру, вес. Люди обычно обладают разным весом. То же происходит и с реальностью. Одни люди более реальны, другие — менее. Ученые подсчитали, что в среднем на планете живет не более пяти сотен реальных людей, которые хаотично двигаются и время от времени неожиданно сталкиваются друг с другом.

Плоский мир нереален ровно настолько, насколько это возможно, чтобы все же существовать в этой вселенной.

И он достаточно реален, чтобы угодить в очень и очень реальные неприятности.

Примерно в тридцати милях от Анк-Морпорка, там, где Круглое море встречается с Краевым океаном, расположился небольшой клочок земли — нещадно бичуемый прибоем, обдуваемый всеми ветрами, облепленный водорослями и занесенный песком.

Однообразие песчаных дюн нарушал лишь странный холм — хоть и невеликий размерами, он был виден на много миль окрест. Этот холм торчал подобно перевернутой шляпке или выкинутому на берег, крайне невезучему киту, заросшему позднее вездесущими колючками. Осадки старались здесь не выпадать, а ветер, беспредельничавший в дюнах, облетал холм стороной, окружая его вершину сплошной стеной тишины. Тишина была настолько глубокой, что аж в ушах звенело.

На протяжении сотен лет здесь ничего не менялось. Лишь песчаные дюны бродили туда-обратно.

Так было до сего дня...

А еще на плешивой загогулине взморья была возведена утлая хибарка из плавника — впрочем, применив к этой хибарке термин «возведена», можно незаслуженно бросить тень на многие поколения зодчих, искусных строителей утлых хибарок. Куча плавника, выброшенного на берег морем, и то больше напоминает человеческое жилье.

И вот в этой самой хибарке только что умер человек.

— Ой! — сказал он.

Потом открыл глаза и окинул взглядом внутреннее убранство хижины. Он уже успел забыть, как выглядит его комнатушка, — последние десять лет все окружающие его предметы смотрелись очень мутно и неубедительно.

Резким движением он спустил на пол если не сами ноги, то, по крайней мере, воспоминания об оных, поднялся с ложа из морского вереска и вышел за дверь. Стояло прозрачно-жемчужное утро. Не без изумления человек обнаружил на себе прозрачный контур своей парадной мантии. Местами она была замызгана, местами протерта до дыр, однако в материи все еще узнавался изначальный темно-красный плюш с золотой тесьмой. «Надо же, человек умер, а мантия осталась... Либо же наша одежда отходит в мир иной вместе с нами, — решил он, — либо ты, повинуюсь привычке, умственно одеваешься...»

Повинуясь все той же привычке, он подошел к груде плавника, громоздящейся возле хижины. Попытался было поднять пару поленьев, но тщетно — дрова просачивались сквозь руки...

Проклятье!

Именно в этот момент он заметил неподвижную фигуру, стоящую у кромки воды и созерцающую морские дали. Фигура опиралась на косу. Ветер полоскал черные складки одеяний.

Приволакивая одну ногу и припадая на другую, человек двинулся к фигуре. Затем, вспомнив вдруг о своей смерти, он выпрямился и зашагал твердой, уверенной поступью. Так не шагал он уже несколько десятилетий — поразительно, как легко уходят и возвращаются к нам подобные навыки.

Однако не успел он преодолеть и половины расстояния, как фигура вдруг изрекла:

— ДЕККАН РИБОБ...

— Он самый.

— ПОСЛЕДНИЙ ПРИВРАТНИК...

— Вроде того.

Смерть призадумался.

— ТЫ ЛИБО ПРИВРАТНИК, ЛИБО НЕТ.

Деккан почесал нос. «Хоть это осталось, — удовлетворенно подумал он. — Впрочем, неудивительно, еще бы и к себе было не притронуться. Иначе бы я сразу на кусочки распался».

— Если по правилам, так Привратника должна посвящать в сан верховная жрица, — сказал он. — А верховную жрицу, почитай, уже больше тыщи лет как не видели. Я-то просто перенял все от старика Тенто — он здесь до меня жил. Вот он, значит, как-то раз и говорит мне: «Деккан, я, похоже, помираю, так теперь все на тебя ляжет. А то если никого, кто помнит, не останется, все ведь сызнова начнется. А ты сам понимаешь, что это значит». Да, так все и случилось, а я и не против. Но только вряд ли это назовешь настоящим посвящением.

Он поднял взгляд на песчаный холм.

— Только и оставались, кто помнил Голливуд, — он да я, — промолвил Деккан. — А потом я один... Ну а теперь...

Рука его взлетела ко рту.

— Ой-йой... — пролепетал он.

— ВОТ ИМЕННО, — отозвался Смерть.

Будет ошибочно утверждать, что в этот миг на лице Деккана Рибоба отразилось смятение, поскольку настоящее его лицо находилось в десятке ярдов и несло на себе застывшую усмешку — словно до покойного дошел наконец смысл шутки. Но дух Деккана явно обеспокоился.

— Видишь, какое дело, — поспешно заговорил он, — здесь же никого не бывает, разве что рыбаки из ближнего залива, так они рыбу оставляют, и только их и видели, боятся потому что, суеверные они, а ученика я так и не нашел, ведь нельзя было отлучаться, огонь надо поддерживать, а потом песнопения...

— ДА.

— ...Страшная это ответственность, когда все самому приходится делать...

— ДА.

— ...Но тебя я, конечно, не упрекаю, нет, нет, не подумай...

— КОНЕЧНО.

— ...То есть я надеялся, что корабль потонет и кого-нибудь на берег выбросит или какой охотник за сокровищами сюда заявится, вот я и объяснил бы ему все, как старый Тенто объяснил все мне, обучил бы песнопениям — в общем, разобрался бы как-нибудь, но вдруг раз, и умер, а теперь...

— ДА?

— Теперь, наверное, уже ничего не изменишь...

— НЕ ИЗМЕНИШЬ.

— Я так и думал, — уныло протянул Деккан.

Некоторое время он глядел на разбивающиеся о берег волны.

— Много тысяч лет назад тут был большой город, — наконец сказал он. — На месте моря, значит. До сих пор, стоит разгуляться буре, слышно, как под водой в старом храме звонят колокола.

— ЗНАЮ.

— В ветреные ночи я тут, бывало, сидел, слушал... Все представлял, как там мертвецы в колокола звонят.

— НУ, НАМ ПОРА.

— Старый Тенто говаривал, что-то есть там, под холмом, такое — большую силу над людьми имеет, разные странности заставляет делать, — сказал Деккан, нехотя следуя за удаляющейся фигурой. — За собой я никаких странностей не замечал.

— А ЭТИ ТВОИ ПЕСНОПЕНИЯ?

Смерть прищелкнул пальцами. Конь, бросив щипать скудную траву на песчаной дюне, рысцой подбежал к хозяину. Деккан с удивлением посмотрел на следы от копыт, остающиеся на песке. Он-то ожидал увидеть искры или хотя бы оплавленные камни.

— Э-э... — нерешительно протянул он. — Слушай, э-э-э... может, объяснишь, а что теперь со мной будет?

Смерть объяснил.

— Так я и думал, — мрачно отозвался Деккан.

Огонь, горевший всю ночь на макушке невысокого холма, взметнул облако пепла и померк.

Осталось лишь несколько раскаленных углей.

Вскоре погаснут и они.

.....

....

..

Погасли.

..

....

.....

За целый день ничего не произошло. Затем в мелкой выемке на краю угрюмого холма сдвинулась с места пара песчинок. Образовалась крохотная дырочка.

На поверхность вылезло нечто. Нечто невидимое. Нечто восторженное, самопоглощенное и замечательное. Неосязаемое, как мысль. Собственно, это и была мысль. Своевольная мысль.

Она была стара, но возраст ее не мерился календарем, известным человечеству. Сейчас у нее были лишь память и настоятельная потребность. Она помнила иные времена, иные миры. И ей нужны были люди.

Она поднялась на фоне звезд, очертания ее начали меняться, завиваясь дымком.

На горизонте виднелись огни.

И эти огни ей понравились.

Несколько мгновений она приглядывалась к ним, а потом невидимой стрелой протянулась к городу и рванулась вдаль.

Действовать ей тоже понравилось.

Прошло несколько недель.

Говорят, все дороги ведут в Анк-Морпорк, в самый большой город Плоского мира.

Во всяком случае, говорят, будто так говорят.

Но это изречение ошибочно. На самом деле все дороги ведут прочь от Анк-Морпорка — просто некоторые ходят по этим дорогам не в ту сторону.

Поэты давно отказались от попыток воспеть этот город. Сейчас самые хитрые из них пытаются лишь подыскать ему оправдания. Ну да, говорят они, может, он и смердит, может, он перенаселен, может, Анк-Морпорк и впрямь похож на преисподнюю, где погасили адское пламя и на целый год разместили стадо страдающих поносом коров, зато нельзя не отметить, что город этот просто кишит неугомонной, бурной, стремительной жизнью.

Все это самая что ни на есть правда, пусть даже и сказанная поэтами. Хотя менее поэтичные люди не согласны с ними. Матрацы тоже могут кишеть жизнью, говорят они, только им почему-то оды не посвящают. Горожане искренне ненавидят этот город, и, если им приходится уехать по делам, на поиски приключений или, что гораздо чаще случается, до истечения срока ссылки, они с нетерпением ждут возможности вернуться в Анк-Морпорк, чтобы снова насладиться этой ненавистью. На задние стекла своих машин они наклеивают плакатик: «Анк-Морпорк: Ненавидь или Вали». А еще свой родной город горожане называют Большой Койхрен — в честь знаменитого фрукта¹.

Время от времени очередной правитель Анк-Морпорка возводит вокруг города стену, якобы для защиты от недругов. На самом деле Анк-Морпорку

¹ Фрукт, произрастающий в некоторых районах языческого Пупземелья. Имеет двадцать футов в длину, покрыт шипами, цветом напоминает ушную серу, а запахом — муравьеда, который наелся тухлых муравьев.

враги не страшны. Наоборот, он встречает их с радостью — в особенности если у завоевателей есть деньги, которые можно потратить¹.

Согласно статистическим исследованиям, большинство варваров, возвращаясь трусцой в свои промерзшие юрты, терзаются одним и тем же вопросом: как они умудрились так быстро обеднеть и при этом оказаться владельцами скверно сотканного ковра, литра негодного вина и тряпичного ослика лилового цвета в соломенной шляпке?

Город видел потопы, пожары, нашествия кочевых орд, множество революций и драконов — и все это Анк-Морпорк пережил. Порой, надо признать, по чистой случайности, но — пережил. Неунывающий, неисправимо продажный дух этого города справлялся с любыми неприятностями.

Так было до сего дня...

Бддыщц.

Взрывом выбило стекла, сорвало дверь, почти напрочь снесло дымовую трубу.

Такое на Улице Алхимиков не в диковину.

К взрывам здесь относятся снисходительно. По крайней мере, взрывы — штука понятная, да и длятся недолго. Уж лучше взрывы, чем запахи, которые наползают исподтишка.

¹ В знаменитом издании Гильдии Купцов и Торговцев «Дабро пожаловать в Анк-Морпорк, город тысячи сюрпризов» имеется теперь целый раздел, озаглавленный: «Итак, ты фторкса к нам, вандал, и што мы тепер будим делать?», публикующий заметки о ночной жизни города и о сувенирах, что продаются на базарах, а в рубрике «Куда лучше перекочевать?» можно найти список ресторанов, предлагающих свежий кумыс и якский пудинг.

Взрывы, можно сказать, — явления природы. Или того, что от нее остается.

А этот взрыв был хорош даже по строгим меркам местных знатоков. В его черных клубках, в самой глубине, светилась багровая сердцевина, что случается нечасто. Обломки кирпичной кладки оплавилась сильнее обычного. В общем, взрыв удался.

Бддыщц.

Когда после взрыва прошла минута-другая, из дыры с рваными краями, зияющей на месте прежней двери, шатаясь, появилось некое существо — без волос, в еще тлеющих лохмотьях, оставшихся от одежды.

Неверными шагами добрело оно до толпы, собравшейся полюбоваться на разрушения, и случайно оперлось черной от копоти рукой о торговца мясными пирожками и сосисками в тесте. Торговца звали Достабль, и прозвище его было Себя-Режу-Без-Ножа. Он обладал почти сверхъестественным умением безошибочно оказываться там, где был хоть малейший шанс развернуть торговлю.

— Слово вспоминаю, — мечтательно и отрешенно произнесло существо. — На языке вертится...

— Ожог? — с готовностью подсказал Себя-Режу.

Однако тут же в нем возобладали интересы дела.

— После такой встряски, — заговорил он, придвигая свой лоток, столь забитый утилизированной органикой, что в недрах его вот-вот должен был зародиться разум, — что может быть лучше горячего пирога с мясом?

— Нет-нет-нет. Не ожог. Слово, которое говорят, когда что-то откроют. Выскакивают на улицу и кричат, — поспешно перебил тлеющий незнако-

мец. — Особое такое слово, — добавил он, мучительно сморщив закопченный лоб.

Толпа, смирившись с тем, что взрывов более не предвидится, обступила алхимика. Продолжение действия могло оказаться не менее интересным, чем сам взрыв.

— Ну да, верно, — сказал какой-то старик, набивая трубку. — Выскакивают на улицу и кричат: «Пожар! Пожар!» — Он торжествующе огляделся по сторонам.

— Нет, не то...

— Может, «Караул!» или...

— Он верно говорит, — вступила в разговор женщина с корзиной рыбы на голове. — Есть особое слово. Иностранное.

— Точно-точно, — поддержал другой ее сосед. — Особое иностранное слово для тех, кто открытие сделал. Его изобрел какой-то иностранный чудик у себя в ванне...

— Не знаю, как вы, — сказал старик с трубкой, прикуривая от тлеющей шляпы алхимика, — а я в толк не возьму, с какой стати человеку в нашем городе бегать по улицам и кричать на варварском наречии. Неужели только оттого, что он ванну принял? Да и посмотрите на него. Разве он принимал ванну? Она ему, конечно, не мешает, но ведь он ее не принимал. Чего ему бегать и кричать не по-нашему? В нашем языке достаточно своих слов, чтобы горло подрасть.

— Ну например? — спросил Себя-Режу.

Курильщик призадумался.

— Скажем... к примеру... «Эй, я кое-что открыл!!!»... или... «Ура!!!»